Клочков Виктор Викторович

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА XVII - НАЧАЛА XIX В.

В статье исследована эволюция британской системы политического представительства в период с конца XVII до начала XIX века. Автор рассматривает основные направления постепенной трансформации ранних политических партий в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Эти процессы показаны в неразрывной связи с перераспределением прерогативных полномочий, поступательной метаморфозой персональной монархии в парламентскую, сложными взаимоотношениями первых британских политических партий с монархами и кабинетом министров. Большое внимание уделяется анализу историографии по данной проблеме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с.
14. Настольный энциклопедический словарь: в 8-ми т. М.: А. Гранат и К°, 1897. Т. 8. 681 с.
15. О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных // Свод законов Российской империи: в 34-х т. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Т. 9. 565 с.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с.
17. Подольская Е. А., Погорелый Д. Е., Лихвар В. Д. Словарь общественных наук. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 475 с.
18. Политический словарь / под ред. Б. Н. Пономарева. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1956. 672 с.
19. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3-х т. М.: Типография Г. Лисскера и Д. Совко, 1914. Т. 2. 420 с.
20. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. 794 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
22. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. 590 с.
23. Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период: антология. Самара: Самарский университет, 2000. С. 121-162.

SEMANTIC-LEGAL INTERPRETATION OF THE NOTION "ESTATE" IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Klokov Vsevolod Aleksandrovich
Lipetsk State Pedagogical University
va_asp@bk.ru

The article examines the history of the formation and studying the notion "estate" from the viewpoint of its semantic and legal content (including its correlation with the notion "status"). The interpretations of the term in the editions of 1896-2011 are compared, the basic features, to which the researchers of language, law and history proper paid their attention at different stages of science development, are emphasized. According to the results of the comparison of various interpretations a number of the most essential features and also some additional peculiarities of the social institution of the estate are selected.

Key words and phrases: history of law; status; The Russian Empire; semantics; estate; status; social group; social history; society structure.

УДК 94
Исторические науки и археология

В статье исследована эволюция британской системы политического представительства в период с конца XVII до начала XIX века. Автор рассматривает основные направления постепенной трансформации ранних политических партий в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Эти процессы показаны в неразрывной связи с перераспределением прерогативных полномочий, поступательной метаморфозой персональной монархии в парламентскую, сложными взаимоотношениями первых британских политических партий с монархами и кабинетом министров. Большое внимание уделяется анализу историографии по данной проблеме.

Ключевые слова и фразы: партии; парламентская монархия; персональная монархия; тори; виги; Великобритания.

Клочков Виктор Викторович, к.и.н.
Южный федеральный университет
vvklochkov@sfedu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX В.©

Восемнадцатое столетие занимает особое место в истории эволюции британских политических институтов. Несмотря на достаточную изученность периода в целом, среди исследователей нет единства в отношении характера политических изменений, происходивших в этот период.

Обычно подчеркивается, что уже в конце XVII в. в стране был установлен политический режим конституционной монархии. В этом случае политическая история страны в XVIII в. рассматривается как совокупность прецедентов, способствующих формированию современных конституционных механизмов взаимодействия монархии, парламента и кабинета министров. Также прослеживается история формирования современных институтов политического участия, в частности, эволюция партийной системы и движение за реформу политического представительства, нашедшее свое наиболее яркое выражение в событиях 1832 г. [1, с. 40-41].

© Клочков В. В., 2015

Более осторожный подход к проблеме основывается на том, что и после «Славной революции» монархия поздних Стюартов сохраняла персональный характер. Описание трансформации политических институтов в ходе событий 1688-1689 гг. как перехода от «абсолютной» монархии к «конституционной» рассматривается как некоторое упрощение. Монархия Вильгельма III и Марии имела источником своей легитимности парламентский акт. Это уже само по себе является крайне необычным в английской конституционной практике, всегда рассматривающей законодательство в качестве экстраординарной меры. Эта монархия оставалась персональной в том отношении, что пределы королевской власти устанавливались не парламентом, а королевской прерогативой, фиксированной в своих границах парламентскими актами там, где она затрагивала права и свободы подданных. Английское политическое устройство имеет своим фундаментом общее право, и принцип господства права служит формой конституции. Поэтому английская монархия в начале XVII в. может быть описана как конституционная с теми же основаниями, что и ее наследница после 1689 г. Английский парламент в это время не обладал какими-либо исключительными полномочиями, которые были бы неизвестны средневековым ассамблеям. Следует обратить внимание не столько на то, как часто собирается парламент, сколько на то, какую роль он выбирает в отношениях с короной в рамках ординарной королевской прерогативы. Также важно, какие прерогативы английской короны постепенно попадали под контроль парламента и начинали со временем рассматриваться как его полномочия.

Поскольку парламентской монархией обычно именуется форма правления, при которой процесс назначения министров предполагает наличие консультационных механизмов между монархией и парламентом, а контроль над надлежащим исполнением ими своих обязанностей относится к сфере парламентских полномочий, то такая система в ходе «Славной революции» установлена не была. Поэтому более осторожный историографический взгляд исходит из того, что эволюция политической системы страны в XVIII в. может быть описана как постепенная трансформация институтов власти и политического участия в направлении от персональной к парламентской монархии [4, с. 118-132; 12, p. 376-384].

Главным элементом эволюции политической системы в данном направлении стал постепенный переход ряда прерогативных полномочий монархии в руки парламента, связанный с формированием принципа ответственности правительства. Кроме того, прекращение обращения короны к прерогативному праву вето и использование парламентского большинства как надежной опоры достижения необходимого результата при решении самых различных вопросов текущей политики стали важными аспектами такой эволюции. Появление в парламенте прообразов политических партий, оформленных в виде аристократических фракций, использующих влияние при дворе в качестве одного из ключевых инструментов текущей политики, а также оформление кабинета министров в качестве органа, относительно самостоятельного в процессе принятия политических решений, дополняло картину очень сложной эволюции английской политической системы в XVIII в. Парламентская процедура способствовала оформлению системы «парламентского» правления, но оформление современной конституционной системы было связано с реформой политического представительства, проведенной в 1832 г.

Система политического представительства в XVIII в. отличалась исключительной традиционностью. В своих основных чертах она оформилась на рубеже XIII-XIV вв. и к исследуемому времени сохранилась практически неизменной. Правом посылать своих представителей в нижнюю палату парламента обладали графства и некоторые города. При этом уже в XVIII в. стали очевидны характерные особенности системы политического представительства, благодаря которым английский парламент, будучи важнейшим институтом политической власти в английской конституционной системе, фактически представлял сам себя.

Прежде всего английские и ирландские графства посылали в парламент по два представителя, независимо от числа избирателей. Между тем к концу XVIII в. их количество колебалось от 17 тысяч человек в Йоркшире до 609 в Ратленде. Демографический рост второй половины XVIII в. привел к тому, что города с числом избирателей более 5 тысяч имели такое же представительство в парламенте, как и «гнилые местечки», в которых число избирателей не превышало 10-12 человек. Хрестоматийный пример – городок Гаттон в графстве Саррей, имевший лишь шесть избирателей. Естественно, выборы в таких местечках было легко контролировать, чем активно пользовались крупные земельные собственники. Ситуация оставалась таковой и в начале XIX в. Даже знаменитый премьер-министр первой трети XIX в. Р. Пиль, по сути дела, никогда не сталкивался с проблемой публичных парламентских выборов: в 1809 г. он был избран от ирландского «карманного местечка» Кашел Сити благодаря патронажу Артура Уэллесли [11, p. 28][1].

С другой стороны, быстрый рост населения в новых промышленных регионах Северной и Центральной Англии привел к тому, что диспропорции парламентского представительства между промышленным севером и аграрным югом страны становились просто вопиющими. Графство Ланкашир с населением в 1,3 миллиона человек в парламенте представляло 14 депутатов, а Корнуолл, в котором не проживало и 0,3 миллиона человек, имело в парламенте 42 депутата, т.е. втрое больше.

Право голоса на выборах в городах предоставлялось, в зависимости от местных традиций, различным категориям населения. Сюда входили получившие свободу по средневековому городскому праву (*freeman boroughs*) обладатели земельной или иной недвижимой собственности в черте города (*burgage boroughs*), плательщики местных налогов (*scot and lot boroughs*), домохозяева (*potwalloper boroughs*) или члены городских корпораций (*corporation boroughs*). Все это делало избирательную систему в городах чрезвычайно сложной и запутанной [2, с. 9-13; 12, p. 376-384; 15, p. 52-53]. Насколько далека была подобная система политического

[1] Подробнее о том, как выглядела процедура выборов в середине XVIII в., см.: [3, с. 307-322].

представительства от современных стандартов, свидетельствует то обстоятельство, что в 1781 г. из примерно 8 миллионов населения Англии и Уэльса избирательным правом пользовались едва ли 0,3 миллиона человек. Даже накануне парламентской реформы 1832 г. избирательным правом обладали 366250 человек из общего числа населения в 14 миллионов человек, т.е. не более 5-7% взрослого мужского населения страны [12, p. 380].

Крайняя ограниченность числа избирателей дополнялась тем обстоятельством, что основным способом избрания депутатов было открытое голосование. Это предоставляло широкие возможности для местной аристократии в осуществлении контроля над ходом и результатами голосования, а также для оказания давления на избирателей, которое широко применялось при голосовании в «гнилых местечках» (*rotten boroughs*). Случалось, что имеющие право голоса лица предпочитали вообще уклониться от участия в выборах в том случае, если их политические предпочтения не совпадали с пристрастиями местного патрона. Не в последнюю очередь такое поведение было связано с желанием избежать негативных последствий волеизъявления [1, с. 42; 6, p. 78]. К началу XIX в. число «гнилых местечек» достигало 200 из 658 мест в палате общин в целом, т.е. почти каждое третье место целиком зависело от пристрастий местной аристократии [5, p. 88-92; 8, p. 122; 20, p. 228-229]. Только в каждом десятом из таких округов число избирателей превышало 1000 человек. В каждом шестом округе число избирателей составляло от 500 до 1000 человек, в остальных же округах количество избирателей редко превышало 100 человек. Таким образом, примерно 150 мест в палате общин могло считаться полностью зависимыми от политических пристрастий местных лендлордов и фактически было устранено от реального политического соперничества [1, с. 42; 12, p. 379].

Еще одним показательным моментом, характеризующим корпоративный характер системы политического представительства до парламентской реформы 1832 г., является количество избирательных округов, в которых имело место соперничество кандидатов на выборах. Из 243 английских избирательных округов в период с 1784 по 1831 гг. максимальное количество случаев, когда имело место соперничество кандидатов, не превышало 70-75, т.е. едва ли каждое третье место в парламенте становилось источником столкновения интересов внутри политической элиты. Только на выборах 1818 и 1826 гг., имеющих принципиальное значение, этот показатель доходил до 90-95 мест, в прочих же случаях он мог опускаться до 50-55 мест. Это означало, что политическая борьба велась только за каждое пятое место в парламенте [8, p. 124].

Политический контроль аристократии над процессом формирования парламента проявлялся и в том, что крупные лендлорды, на землях которых располагалось несколько избирательных округов, обладали возможностью конвертировать контроль выборного процесса в политическое влияние. Есть все основания полагать, что такой «электоральный ресурс» ценился очень высоко: места в парламенте открыто продавались и покупались, будучи весьма ценной собственностью. Известно, что средняя цена одного парламентского кресла на протяжении XVIII в. возросла как минимум втрое и составила в первой трети XIX в. примерно £ 5000-6000 [1, с. 42-43; 19, p. 35].

По всей видимости, представление о том, что парламентские выборы в XVIII в. оказывали стимулирующее влияние на политическую жизнь страны, имеет мало общего с действительностью. Так, на выборах в 1761 г. борьба велась только за 42 места из 203, принадлежащих городам, и только за 4 из 40, предоставленных графствам. По-видимому, именно такая ситуация была нормой, а не исключением из правила. Многие места, принадлежащие городам, как уже отмечалось, рассматривались фактически как собственность тех, кто их занимал [4, с. 123].

Система политического представительства, основанная на корпоративных связях, органично дополнялась развитой системой патронажа внутри парламента. На протяжении XVIII в. количество мест в нижней палате парламента, кандидатов на которые определяли члены палаты лордов, постоянно возрастало. Конечно, сложно говорить о достоверной статистике, но, согласно данным, приведенным одним из наиболее известных исследователей проблем парламентского патронажа Дж. Кеннона, в 1705 г. пэры контролировали 105 мест в палате общин. В 1747 г. эта цифра возросла до 167 мест, а в 1784 г. – до 197 мест. На протяжении XVIII в. число парламентариев, связанных с пэрами клиентскими узами, возросло вчетверо. В 1784 г. 304 из 558 членов палаты общин были так или иначе связаны с пэрами. Не будет преувеличением сказать, что церемонии открытия парламентских сессий во времена Георгов напоминали семейные встречи [4, с. 123-124; 7, p. 104-115, 122].

Корона и кабинет министров, таким образом, всегда имели необходимый резерв из «гнилых местечек», который мог быть задействован в нужный момент для обеспечения необходимой политической поддержки. Владельцы таких местечек могли продавать голоса избирателей в обмен на выгодную синекуру или политическое покровительство. «Гнилые местечки» служили не только способом обеспечения политического влияния, но и средством обогащения [1, с. 43].

Подобная система политического представительства ставила нижнюю палату парламента в зависимость от лордов. Члены парламента, избираемые от «гнилых местечек», были так или иначе зависимы от политических предпочтений патрона, поскольку именно он организовывал проведение выборов и их необходимый результат, нередко оплачивая все неизбежные в такой системе издержки. Хотя клиентские связи вовсе не означали прямую зависимость от патрона, однако обстоятельство, что именно они обеспечивали должное поведение парламентариев при проведении голосования по ключевым вопросам текущей политики, не подлежит сомнению [18, p. 354].

Таким образом, система представительства как один из институтов политического участия, существовавшая в XVIII в., превращала парламент в институт политической власти, представляющий не столько избирателей, сколько политическую элиту страны как таковую. Есть все основания предполагать, что политическое представительство было организовано таким образом, что позволяло примерно двум тысячам семей контролировать всю текущую политическую повестку.

Что касается королевской прерогативы, то корпоративное политическое представительство служило главной гарантией от чрезмерной финансовой зависимости королевской власти, от произвольных решений парламентариев. Корона избегала такой зависимости, распределяя между ними свое покровительство. Подобно тому, как Тюдоры двумя столетиями ранее обеспечивали себе гегемонию на национальном уровне, используя систему патронажа, так и Ганноверы стремились придать стабильность правительству, тщательно «формируя» парламент. В контексте отсутствия конституционного конфликта между короной и представительством регулярные парламентские сессии становились скорее благом, а не злом. В правление «великолепных Георгов» ни один парламент не отказывался вотировать необходимые короне субсидии и никогда не настаивал на их обязательном возмещении. В этом отношении парламент являлся посредником, при помощи которого корона выстраивала свои отношения с политической элитой [9, p. 42-118; 14, p. 305; 16, p. 204].

Существенным аспектом, способным пролить свет на характер персональной власти, которую сохранили за собой монархи ганноверской династии, является характер парламентского законодательства в XVIII в. Основную его массу составляли билли, лично внесенные членами парламента (*personal bills*). В течение столетия благодаря процедуре частных биллей (всего более 1200) было подвергнуто огораживанию более трех миллионов акров земли, тогда как строительству каналов и дорог было посвящено не более сотни парламентских актов. Корона в полном соответствии с традицией практически не проявляла интереса к законодательной деятельности и редко требовала от парламента принятия новых законов. За весь XVIII в. не наберется и двух десятков случаев, когда такое использование прерогативных полномочий имело место. Исполнительная власть английской короны, если осторожно использовать более привычный сегодня термин, целиком и полностью вписывалась в рамки ординарной королевской прерогативы [10, p. 68-91; 13, p. 23-27; 17, p. 2-4].

Внимание большинства современных исследователей привлечено к изучению недостатков системы политического представительства, основанной на личных и корпоративных связях. Между тем до середины XVIII в. эта система в большинстве случаев оценивалась как имеющая некоторые достоинства. Главным из них была способность независимым от правительства кандидатам избираться в небольших избирательных округах. В сочетании с парламентской процедурой, предоставляющей оппозиции в стенах парламента широкий спектр возможностей, такая система действительно способствовала достижению консенсуса по текущим вопросам политической повестки [1, с. 75].

Однако уже в последней трети XVIII в. в полемике между тори и вигами начинают звучать обоснования необходимости реформы политического представительства. К тому времени становится очевидным, что ни положительные для оппозиции аспекты парламентской процедуры, ни возможность провести в парламент независимых от правительства кандидатов не искупают фундаментальных пороков системы. Чрезвычайно ограниченный круг избирателей, коррупция и злоупотребления на выборах лишали политическую элиту возможности формировать адекватную политическую повестку именно тогда, когда роль парламента в политической системе оказалась как никогда велика. Иначе говоря, уровень политической ответственности представительства в период существования «парламентской» монархии оказался слишком высок для существующей системы политического представительства [10, p. 88-90].

В последней трети XVIII в. в нижнюю палату парламента вносилось несколько биллей, предполагающих более или менее значительные изменения в системе политического представительства. В мае 1783 г. У. Питт-младший внес в парламент законопроект, предполагающий «не изменить, но обновить дух Конституции так, чтобы не нарушить ее существующую форму». Предполагалось предпринять ряд мер, способствующих искоренению коррупции на выборах, создать специальный комитет палаты общин для рассмотрения вопроса о том, какие из «гнилых местечек» следует лишить права посылать представителей в парламент, а также увеличить численность нижней палаты. Законопроект был провален во втором чтении (293 голоса против 149 в поддержку правительственных мер). Через два года У. Питт-младший вновь предложил реформировать систему политического представительства. На этот раз предлагалось лишить права посылать своих представителей в парламент 36 «гнилых местечек», предоставив их избирателям финансовую компенсацию. Высвободившиеся 72 места предполагалось передать графствам и Лондону, предоставив избирательное право копигольдерам, платившим определенную сумму годового налога, а также арендаторам. Этот законопроект также не был поддержан, правительственное меньшинство при этом составило 74 голоса (248 голосов против 174) [12, p. 376]. Между тем идея «выкупить» право посылать представителей в парламент была аналогична практике, используемой парламентом в XVII в., когда он предполагал купить некоторые из королевских прерогатив.

В мае 1797 г. лорд Грей вносит предложение об увеличении представительства графств с 92 до 113 мест, предоставлении избирательного права копигольдерам, платившим определенную сумму годового налога, и арендаторам, а также домохозяевам (*potwalloper boroughs*) в городах, регулярно платившим местные налоги. Этот законопроект также ждала незавидная судьба: в его поддержку был подан 91 голос, тогда как число противников правительственных мер составило 256 человек. Наконец, предложение лорда Дж. Рассела в апреле 1822 г. лишить 100 «гнилых местечек» второго места в парламенте, передав высвободившиеся места

графствам и новым городам, до этого не представленным в парламенте, было провалено во втором чтении большинством в 105 голосов (164 голоса за предложение оппозиции и 269 голосов сторонников правительства против) [Ibidem, p. 376-377].

Таким образом, период конца XVII – начала XIX в. стал поворотным моментом в эволюции системы политического представительства. Именно тогда произошел постепенный переход от персональной монархии к парламентской и были заложены предпосылки трансформации системы парламентского правления в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Многие аспекты политической истории этого периода обретают совершенно особую эвристическую ценность, если признать, что переход от абсолютной монархии к конституционной представлял из себя не одномоментный акт, но достаточно растянутый во времени процесс.

Система политического представительства, существовавшая в XVIII в., превращала парламент в институт политической власти, представляющий не столько избирателей, сколько политическую элиту страны как таковую. Политическое представительство было организовано таким образом, что позволяло элите контролировать всю текущую политическую повестку. Корпоративное политическое представительство служило главной гарантией от чрезмерной финансовой зависимости королевской власти от произвольных решений парламентариев. Корона избегала такой зависимости, распределяя между ними свое покровительство. Элементы современного конституционного механизма, постепенно кристаллизующиеся в системе парламентской монархии во второй половине XVIII в., не могли играть ключевой роли, поскольку представительство в парламенте еще не было связано с современными демократическими механизмами.

Список литературы

1. **Айзенштат М. П.** Британия Нового времени. Политическая история. М., 2007.
2. **Айзенштат М. П.** Британский парламент и общество в 30-40-е гг. XIX в. М., 1997.
3. **Айзенштат М. П.** Выборы в графстве Оксфорд 1754 г. // Британские исследования / под ред. И. М. Узнародова. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. 3. С. 307-322.
4. **Хеншелл Н.** Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003.
5. **Abstract of British Historical Statistics** / ed. by B. R. Mitchell & P. N. Deane. L., 1962.
6. **Bowring J.** Autobiographical Recollections of Sir John Bowring. L., 1877.
7. **Cannon J.** Aristocratic Century. Cambridge, 1984.
8. **Cannon J. P.** Parliamentary Reform, 1640-1832. L., 1973.
9. **Clark J. C. D.** English Society, 1688-1832. Cambridge, 1985.
10. **Clark J. C. D.** Revolution and Rebellion. Cambridge, 1986.
11. **Eastwood D.** Peel and the Tory Party Reconsidered // History Today. 1992. Vol. 42. P. 27-32.
12. **Evans E. J.** The Forging of the Modern State, 1783-1870. L., 1995.
13. **Gregg E.** Queen Anne. L., 1984.
14. **Kamen H.** European Society, 1500-1700. Hutchison, 1984.
15. **Lowe N.** Mastering Modern British History. L., 1995.
16. **Miller J.** The Potential for "Absolutism" in Later Stuart England // History. 1984. № 69. P. 187-207.
17. **Pares R.** King George III and the Politicians. Oxford, 1953.
18. **Peers, Politics & Power: The House of Lords, 1603-1911.** L., 1986.
19. **Russell J.** Recollections and Suggestions, 1813-1873. L., 1875.
20. **Seymour C.** Electoral Reform in England and Wales. L., 1915.

EVOLUTION OF SYSTEM OF POLITICAL REPRESENTATION IN GREAT BRITAIN OF THE END OF THE XVII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Klochkov Viktor Viktorovich, Ph. D. in History
Southern Federal University
vvklochkov@sfedu.ru

The article examines the evolution of the British system of political representation in the period from the end of the XVII till the beginning of the XIX century. The author touches on the basic tendencies of the gradual transformation of the early political parties into the constitutional mechanisms and the structures of political participation of the modern type. These processes are shown in close connection with the redistribution of prerogative powers, the progressive metamorphosis of personal monarchy into the parliamentary one, the complicated interrelations of the first British political parties with the monarchs and the Cabinet of Ministers. Special attention is paid to the analysis of historiography on this problem.

Key words and phrases: parties; parliamentary monarchy; personal monarchy; the Tories; the Whigs; Great Britain.